

Алексей Черных

Отражённым светом

Мерцающие стихи

16+

Алексей Черных
Отражённым светом

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Черных А. Б.

Отражённым светом / А. Б. Черных — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Гении одаряют нас своим светом, ровным и ярким, вдохновляющим. Не гении, как и скромный автор данной книги, в лучшем случае мерцают светом отражённым и ненавязчивым. В данный нескромный стихотворный сборник скромного автора включены произведения, в которых прямо или косвенно упоминаются: Бог и божества, герои эпоса и сказок, поэты, писатели, художники, учёные, чьим отражённым сиянием подсвечены стихи автора.

Содержание

Исса, сын крестьянина	8
Шмели и Бунин	10
Петрарковое	13
Пастернаковое	15
Пикассовое	22
Околовиннипуховое	27
Тролизм-торквемадизм	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

* * *

Имея желания плотские,
Он сдерживал чувства свои.
Ещё не любил он Бродского,
Стесняясь своей нелюбви.

Любил он еду домашнюю,
Не принимая фаст-фуд,
Но эту любовь к настоящему
Скрывал от злых пересуд.

Стеснялся выразить мнение
И что-либо осуждать.
И в обществе потребления
Стеснялся не потреблять.

Мейнстримы интеллигенции
Давили его естество.
Нелепые тренды, тенденции
Рождались не для него.

Стеснялся он даже стеснения,
Себе говорил: не глупи,
Не сдерживай чувства и мнения,
И Бродского возлюби.

* * *

Легко эстетствовать по жизни!
И в стихотворную канву
Изящные неологизмы
Вплетать, поддавшись озорству.

Труднее сочинять простое
И не кичиться, не форсить,
Что есть умения такое
С благими музами дружить.

Сейчас ненужное уменье.
А в пушкинские времена
Имел бы славу и почтенье,
Пусть не доходы – ордена.

Блистал бы на любовном фронте,
Даря поэмки и стишки.
Писал бы барышням экспромты
В надушенные дневники.

Не утруждаясь политесом
Дуэльных кодексов, силком
На баттл вызвал бы Дантеса
Пинать задиристым стихом.

К чему рапиры-пистолеты,
Когда гусиное перо
С моим талантом ткать сонеты
Сумело б отстоять добро.

Сумело б выстроить эстетный
Воздушных замков яркий мир!

(И провести междупланетный,
Масштабный шахматный турнир?)

Легко эстетствовать по жизни,
Витийствовать и рассуждать.
Пока твою не справят тризну,
Изволь, что можешь, рифмовать.

* * *

Ещё Берна́ру Ша́ртгскому в веке так двенадцатом
Удалось подметить, что все мы в данный час
Похожи на карликов, севших на гигантские
Плечи исполинов, живших прежде нас.

Видят великаны ведь дальше, чем мы, карлики,
Но когда пристроишься на плечах у них,
Сразу получается, наших глаз хрусталики
Могут видеть далее всех великих сих.

* * *

Цицерон говорил: «Ганнибал у ворот!»,
Но его абсолютно не слушал народ,
И пока гром не грянул, и враг не пришёл,
Говорили, что тот Цицерон – балабол.
Всем известно, что рядом, под боком,
Не бывает на свете пророков.

* * *

Чудище обло, озёрно, огромно,
Стозёвно и ла́яй
Смотрит вослед – не беззлобно и томно, —
Почти не мигая.

Мозгом спинным ощущать этот взгляд ты
Ещё будешь долго.
С чудищем облым общаться вприглядку —
Стараться без толка.

Исса, сын крестьянина

О прогрессе и улитках

Об обращении Ииссы к улитке тихо ползти вверх по склону Фудзиямы, до самых высот оной.

Нам врут: не только вверх улитки
Ползут по склонам Фудзиямы —
Они порой довольно прытко,
Глупя, соскальзывают в ямы;

Крадутся перпендикулярно
Бегущей на верхá дороге.
Они – как будто биполярны,
Как есть же – просто брюхоноги.

Прогресс стал следствием ошибок
И проб – не глупого стремленья
Стай фудзиямовых улиток
Взбираться вверх до помраченья.

Навеянное Иссой

1.
Глубится ямка под струйкой мочи;
Снег у ворот.
Журчанье чуть слышно в безмолвной ночи
Песней без нот;

Снежный покров на земле неживой
Девственно чист,
Лишь у ворот он являет собой
Исписанный лист.

2.
Облетает листва с удручённого клёна,
С отвращением падая в грязь.
Беззащитно стоять будет клён обнажённый
До весны, никого не стыдясь.

И когда новый лист, закружив над землёю,
Упадёт, не задев никого,
Мир, охваченный глупостью и суетою,
Не заметит паденья его.

3.
Словно проснулись сверчки и пичуги,
Луг осмелел,

Близкими стали далёкие звуки,
День посерел.

Свежесть несёт набежавшая туча,
Зной бороздя.
Как тяжела, и душна, и тягуча
Жизнь без дождя.

4.

Утром роса
Мне омоет прохладой ноги.
Врут небеса,
Что они по природе не строги.

Капли росы,
Охладив, испарятся, исчезнут.
В строках Исы
Они горьким «И всё же...» воскреснут.

Шмели и Бунин

На стихотворение «Последний шмель» И. А. Бунина – несмотря ни на что, с почтением.

1.

Может, Бунину шмель в этот день показался
Заунывно гудящей певучей струной
Потому, что Иван Алексеевич взялся
Тосковать, как положено барину в зной.

Глазки очень устали от яркого света,
Опустели поля и разросся бурьян.
Шмель уныло нажужживал арию лета, —
Был Иван Алексеич тоской обуян.

Он всё думал о том, что мечты человечьи,
Все глубины глубин не понятны шмелям,
Этим бархатным пчёлкам с янтарным оплечьем,
Не подверженным скуке и прочим соплям.

2.

Лаванда чуть ли не всё лето
Цвела, цветёт и будет цвести.
Шмелей с рассвета до рассвета
В её кустах чудных не счесть.

По-бунински золотоплечи,
Но неожиданно легки,
Они лавандовые свечи
«Окучивают» по-мужски:

Кружат и мечутся меж нежно
Благоухающих цветов
И искушают безмятежно
Руладами жужжащих слов.

И так весь день, и так всё лето —
Пока их холод не проймёт,
Шмели с рассвета до рассвета
Кружат в лаванде хоровод.

3.

Лаванда и шмели не знают
Что наступил сентябрь унылый.
Цветы цветут, шмели летают,
Золотоплечи, быстрокрылы.

В их удивительном полёте

Среди чарующих соцветий
Есть восхищающее что-то
И что пыливый мозг берedit.

Как удаётся этим пчёлам,
При их не маленьком калибре,
Массивным, толстым и тяжёлым,
Летать с изяществом колибри?

Ах, впрочем, мир прекрасен этим
Клубком загадок, белых пятен.
И лишь сентябрь за гранью лета
Вполне и ясен, и понятен.

* * *

Мы Шрёдингера кошку
В своём эксперименте
По неопределённости
Размазали слегка:
Она жива немножко
И в этом же моменте
Она – хвала мудрёности —
Немножечко мертва.

Мы так и этак мерили
Все доли вероятности,
Расхлёбывали ложкою
Квантованный расчёт.
В простой исход не верили,
И вот в научной рьяности
Открыли шкафчик с кошкою —
Там оказался кот!

* * *

Да будут ли вспоминаться-то
Когда-нибудь в пьяном загуле
Две тысячи девятнадцатого
Холодные дни июля.

Быть градусу, сколько не бейся,
Высоким по прихоти чьей-то,
А вы мне твердите про Цельсия
И какого-то там Фаренгейта.

Жара будет до исступления
При норде, норд-осте, норд-весте.
Дождёмся-таки потепления,

Но может быть, лет через двести.

* * *

Лучики солнца
 в проёме окна
Издевались
 над утренней тенью.
Летняя ночь
 была холодна,
Несмотря
 на глобальное
 потепление.
Наверное,
 если бы не оно,
То снег
 заметал бы
 в июле (!)
И это бы утро,
 и это окно
С занавеской
 из тонкого тюля.
Нобеля точно ещё вручат
Не раз
 американским
 гениям,
Которые снова
 расскажут про ад
Глобального потепления.

* * *

...И в нашем радостном Эдеме,
Дарящем светлые мечты,
Исчезнет всё – развеет время
Здесь все, какие есть, следы.
Поползновения людские,
Как в пыль истлевшее тряпье,
Рассеются... Эх, энтропия —
Она такая, мать её...

Петрарковое

1.
Не всем Петраркам суждено
Воспеть в стихах свою Лауру.
И вечерами пить вино,
О деве грезя белокурой.

Продав последнее добро,
Купить чернил большую флягу,
Ломать гусиное перо
И рвать в порыве чувств бумагу.

Чтя из прелестниц городских
Свою красавицу особо,
Вкраплять в высокопарный стих
Эпитеты высокой пробы,

Описывать точёный стан
Своей красотки слогом жарким.
Но и не всем Лаурам дан
Их прославляющий Петрарка.

2. Сонет канцоньерный

День шёл не по плану – ярко!
Нанизывая слова,
Сонет завершал Петрарка
И полон был торжества.

На жизнь и на смерть Лауры
Написанные стихи
Звучали и живо, и хмуро,
И были весьма неплохи.

Сонеты Петрарку бодрили:
В них он и Лаура жили.
Но, Господи, благослови! —

Так трудно держаться стиля,
Когда твой объект любви
Давно уж истлел в могиле.

Алфавитный бред. Абецедарий

«А было всё гадким, древесно-еловым.
Ёж ждал зиму истово. Йогурт кислил.
Ломались мечты. Нарушались основы

Паразитических реверсных сил.

Телеметрия ужасно фонила.
Хрипела цветисто чужая шиншилла.
Щипал эквивоками Юнг яйцевидный...» —
Мой мозг воспалённый нёс бред алфавитный.

* * *

Там, где
 по линованной бумаге
 пишут поперёк,
Дескать, потому,
 что это выглядит (!)
 креативно,
«Поперечным» писателям,
 по скудоумию,
 невдомёк
Что это глупо,
 не экологично
 и не продуктивно.

Пастернаковое

1. Ода скотницам

На стихотворение “Март” Б. Л. Пастернака.

Нынче нет уже дюжих скотниц,
Что могли бы до пота гонять
Зиму с улиц, оврагов и звонниц;
Чахлый мартовский снег разжижать;

Бить сосулек кровельных тонны;
И, светя мускулистым ню,
Разгонять ручейков бессонных
Ненавязчивую болтовню;

Поднимая игриво вилы,
Тыча зубьями оных в навоз,
Вызывать у поэтов хилых
Восхищение и психоз;

Выходить из хлевов коровьих
Царской поступью – спины размять...
Чтоб Борис Леонидович мог бы
С восхищением их созерцать.

2.

«Быть знаменитым некрасиво...» —
И так возможно рассуждать,
Когда твоих стихов тетрадь
Уже заполнила архивы.

Когда твой облик знает всяк,
И даже пёс соседский знает,
Что в этом доме проживает
Поэт известный Пастернак.

А так, конечно, некрасиво
Быть знаменитым среди других
Поэтов средненьких, простых,
Когда ты выделен курсивом.

3.

Декабрь. Word открыть и плакать,
Строчить стихи свои навзрыд,
Пока дней новогодних слякоть
Весной нежданною грозит.

Нанять такси да за сто гривен

Под звук шуршания колёс
Умчаться в зиму, чтобы ливень
Так не нервировал до слёз.

Где, как обугленные туши,
С деревьев тысячи грачей
Не падают с прихлопом в лужи
И мир приятен для очей.

А здесь проталины чернеют
И талая вода бежит.
Чем мир унылей, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

Закончен стих и Word закрыт.
Порыв душевный мной излит.

Сонет полнолуния. Ну-арный

Давай повоем на Луну —
В такие дни она шикарна.
По-волчьи заунывным «У-у-у!»
Округу всполошим вульгарно.

Нарушим сон и тишину,
Поодиночке и попарно,
Объявим местную войну
Масштабов мегапланетарных.

Давай залезем на сосну,
Исполним громко и бездарно
Дуэт простой, но лучезарный

Про ту персидскую княжну,
Что в набежавшую волну
Швырнул Степан неблагодарный.

Сонет нарративный

Где-то рядом гроза, но не здесь, не сейчас —
Мы лишь слышим ее громыханье.
Значит, времени много в запасе у нас
На взаимо- и всепониманье.

Будем мыслить, всему объяснение найдя,
Будет строить свои нарративы...
...До того, как холодные струи дождя,
Не внесут в бытие коррективы;

И обладатели же их,

А также прочие сидельцы
У тронов нимбоносных лиц,
Плетения интриг умельцы
И либреттисты небылиц, —

Все эти «чудные» созданья
Поперегрызлись столько раз,
Что скука их существованье
Зацементировала с тщаньем
Пластичных эпоксидных масс.

И броуновское движенье
Интриг, подстав и окаянств
Среди Олимпа населенья
В конце концов ушло в забвенье
Глубин аидовых пространств.

Пассионарность близорука,
И даже божие дела
Сумеет размолоть дотла...
Сильны, непобедимы скука
И эпоксидная смола.

* * *

Какое дивное творенье —
Картина Шишкина «Дубы».
Так передать переплетенье
Резной, причудливой листвы,

Теней ажурных паутинку
В морщинистых стволах дерев
И света лёгкую грустинку,
Как нежный девичий напев.

Весь образ шишкинской дубравы,
Что будто сотворён волшебной, —
Он и простой, и величавый,
Но не картинный, а живой.

* * *

У молодых поэтов чувства
Сильнее звонких рифм и ритма.
Для них как ложе от Прокруста —
Правописания энигма.

Зачем им синтаксис, когда их
«Быть иль не быть...» сомненьем гложет?
Они поэты – пусть прозаик
Себя лингвистикой кукожит.

Для них все ямбы и хорей,
Анапест, дактиль – словоблудье.
Они заняли эмпирей,
Где нет любви, а есть безлюбье.

Но верим: опыт, сын ошибок,
Придя со временем бесценным,
Избавит от полуулыбок
Над их стихом несовершенным.

Стих зазвенит, как песни скальдов,
Лучистым, живописным словом.
А новый Пушкин скажет: «Ай, да
Я сукин сын в венке лавровом!»

* * *

Иногда напишешь так,
Что и сам
Восхитишься этим, как
Чудесам.

И откуда это всё
У меня?
Стихоплётство, то да сё,
Вся фигня.

Так изящно иногда
Изложу,
Что заплещет красота
За межу.

Но порою свой успех
Повторить
Невозможно как на грех!
Как тут быть?

Коль придумать я бы смог
Стихомер,
Им оценивал бы слог
И размер.

И тогда бы каждый стих
И сонет

Были б слаще дорогих
Мне конфет

И вкуснее бы, чем в доль-
ках арбуз.
А пока оценка толь-
ко на вкус.

Для красот стихов аршин
Не найдёшь.
Я – не Пушкин-сукин сын,
Но – хорош!

Полишинель

Он зудел, заикаясь, стараясь
Донести эпохальную весть.
Дескать, тайна сия велика есть,
Если только – вооще! – она есть.

Пикассовое

1.
Ах, как две наших сущности —
в принципе разные,
Плотно схвачены временем
в нечто одно:
Тошно-сочное, яркое —
и слегка несуразное,
Как «Алжирские женщины»
версии О.

2.
Нам не нужно быть в Гернике,
Нам достаточно Горловки.
И «Алжирские женщины»
Даже версии О
Не годятся в соперники
Фрескам горловским огненным,
Что войною зловещею
Жглись на стенах домов.

* * *

Престранный мир, где каждый человек
Готов скрутиться в жгут противоречий
И стать для Чеховых, Толстых, Лопе де Вег
Прообразом их злободневных скетчей;

Готов и на словах, и на мечях
Он выйти победителем из спора.
А мальчики кровавые в глазах
Проявятся... Но вряд ли очень скоро.

* * *

Наш выбор сделан. Мы, надеюсь,
Не буридановы ослы,
И выберем, не канителюсь...
Хоть муки выбора милы.

Милы иллюзией, что можем
Мы выбором своим сменить
Процесс с названьем «Лезть из кожи
Вон» – на процесс с названьем «Жить».

* * *

С молодых годов был равнодушный
К навозной сущности побед
Тот самый Авгий, чьи конюшни
Не очищались тридцать лет.

Дух разлагающейся плоти
Его нимало не мутил,
А даже возбуждал и вроде,
Вы не поверите, пьянил.

* * *

Я исполнен пустого апломба,
Я рисуюсь немного, читая
Книгу тонких новелл Ляо Чжяя,
Как интеллектуальную бомбу.
Как интеллектуальный феномен
Я ту книгу небрежно листаю...
В том, что рядом никто Ляо Чжяя
Знать не знает, – уж я не виновен.

* * *

На Земле мы одни
На все восемь её миллиардов.
Так не будем же ни
Сожалеть, ни искать вариантов,
В коих наша судьба
Нас проносит мимо макушки
Надземного столпа,
На который вознес себя Пушкин.

* * *

Избавь меня, Господи, от сомнений;
Сделай жизнь мою, Господи, тихой и ровной;
Излечи от терзающих размышлений
О ненужности нашей пустословной.

Дай зренье мне, Господи, да такое,
Чтоб в жизни жестокой и несправедливой,
Узреть проявление Твое всеблагое
К нам, недостойным и суетливым.

* * *

Когда б поэтов щедро награждали
Дензнаками за их общенье с Музой,

Они бы как тогда живописали
Суть бытия – с желаньем иль обузой?

Ведь их монетизация принудит
Творить в созвучье лишь с монетным звоном.
От лишней денежки поэта не убудет,
Но зазвучит ли он в созвучье оном?

* * *

Не зря, наверно, Тот, Кто создал
Галактик яркие спирали
Нас отдалил от них и звёзды
Сместил в немыслимые дали.

Всё для того, чтоб наши цели
Познать вселенские соцветья
Мы с вами сохранить сумели
На многие тысячелетья.

* * *

Начитавшись с утра Маяковского, сидя в туалете,
Выхожу, заряженный его бешено рваным ритмом:
Хочется вывернуть всё наизнанку на этом свете,
Поставить с ног на голову, выйти на смертную битву.

Сердце от чувств этих давит резиновым мячиком,
В мир нервно впиваюсь расширенным глазом я.
Берегитесь, буржуи, питающиеся рябчиками
И зажёвывающие их (блин!) ананасами.

* * *

Его пророческие мантры,
Как и вещания Кассандры,
Не принимались и не шли
На пользу жителям Земли.
Ведь, как известно, у пророка
В своём отечестве без срока
Лицензии пророчить нет.
Такой вот эксцентриситет.

* * *

Чудище обло, озёрно, огромно,
Стозёвно и лаяй
Смотрит вослед – не беззлобно и томно, —
Почти не мигая.

Мозгом спинным ощущать этот взгляд ты
Ещё будешь долго.
С чудищем облым общаться вприглядку —
Стараться без толка.

* * *

Это вам не это,
Это вам не то.
К нам спешит с приветом
Серый конь в пальто.
За конём тем рифма
Из Караганды.
Подожди-ка, нимфа,
Отдохнёшь и ты.

* * *

Он побледнел, затем, как будто
Чуть отойдя от тошноты,
Меня назвал зачем-то Брутом
Добавив вялое «И ты...»

Но мне такая антитеза
Казалось ложной. Убеждён,
Что это я сражённый Цезарь,
А Брут, прошу прощенья, – он! :)

* * *

За детьми того декабря
Дитю января – трудно.
Оно будто дышит зря
И всхлипывает простудно;
Оно – никудышный актёр,
Хоть паузу тянет дольше.
Ему не доступен флёр
Снов, что о чём-то большем.

* * *

Ночами душевная муть
Становится шире и скольже,
А хочется просто уснуть,
Не думать о чём-то большем.

И хочется не считать
Баранов, овец, полудурков.

Зло хочется обругать
Морфеевых сна драматургов.

* * *

«Иллюзию радости дарит вино», –
Такую неглупую фразу
Я где-то читал (и не так уж давно),
Но с ней не согласен мой разум.

Хорошие вина раскроют в душе
Все те закоулки, что скрыты
Унылостью будней, сокрыв неглиже
Иллюзии жизни избитой.

* * *

Как Диогену помогая,
Со свечкою при свете дня
Людей искал, судьбу кляня
И чьи-то души поминая.

Не ради славы ведь старался —
Не ради веры в божество.
...И от того вконец остался,
Как Диоген, без ничего.

* * *

За чан похлёбки чечевичной,
Вина бочоночек приличный,
За раболепье прилипал
Я б первородство не продал.

Ещё не найден тот Иаков,
Которому б я мог, однако,
Продать себя по метражу...
Поскольку цену не сложу.

* * *

Маленький принц, утончённый, но действительно вялый:
Тот самый – Экзюпери,
А рядом другой – по-ЕгорЛетовски разудалый
И матерный изнутри.
Трогают оба, по-своему, но равновесно,
Пусть разные струны души.
Оба они уникальны и интересны,
И оба они хороши.

Околовиннипуховое

1.

Да будь медведи пчёлами,
Они бы вечерами
Жужжали б невесёлыми
Медвежьими басами.

Разрушили б симпатию
К себе подобным хором,
Загнав лесную братию
По дуплам и по норам.

2.

Что ж грозным медведям стыдиться?
Что въедливым пчёлам париться?
Никто ведь не усомнится
В их праве кусаться и жалиться.

По-всякому может случиться
В медвежье-пчелиной подмене.
Но мёдом придётся делиться:
Так принято в сей Ойкумене.

3.

Леонов бесподобен,
Евойную игру
Ни Кристофер наш Робин,
Ни Тигра с Кенгой Ру
Ни в жисть не переВиннят
И не переПушат.
Никто уже не Милнет
Подобных медвежат.

4.

Сколько бы Пухов, до славы охочих,
Уолт Дисней не раскручивал,
Наш Винни-Пух виннипушнее прочих,
Ибо Леонов озвучивал.

* * *

Трёхглавому псу жить, увы, нелегко,
Ведь головы часто в раздоре.
А как стоголовое существо?
Что, через соцсети спорит?

Попроше сообществу, коль рассудить,
Многозмееголовой Гидры:
Там змеи едины в готовности лить
Соседкам отравы литры.

* * *

Тем клёво, кто над пропастью во ржи,
Тем хуже, кто над пропастью с камнями.
Для первых мир их ярок, хоть и лжив,
А для вторых – он тоже лжив, но сами

Его цвета угрюмы и серы.
Но, как и золотящееся поле,
Он требует, чтоб игры детворы
И в нём стерёг хоть кто-то, грел и холил.

* * *

Смерть вероятнее жизни. И
От парадокса Фёрми
Хочется выть, оскорблять и бранить
Всех в этой пыльной таверне.

Где эти братья по разуму, где?
С кем допивать мне пиво?
Только талдычить о Караганде
Не стоит – и так тоскливо.

* * *

Отец небесный, да святится Имя,
С Которым на земле наступит царство,
Твоя где воля встанет над другими;
Дай хлеб насущный, не нужны нам яства;

Прости долги нам, как прощаем сами
Мы должников своих открытыми сердцами;
Не искушай, избавь от всех лукавых;
Пусть в царствии Твоём пребудет слава.
Аминь.

Еккл. 1, 9-10

...Нам сказано: что было, то и будет,
Что делалось, то делается вновь —
Нет нового под солнцем! Если ж люди
Укажут вам на что-то: вот-де новь! —
Не верьте им, всё ранее случалось
В седых веках, что были прежде нас.

Нет нового под солнцем? Что ж, осталось
Искать другие солнца в этот раз.

* * *

Если жизнь своими тарифами
И невзгодами разнедужится,
Если думы запенятся рифмами
И идеи размытые вскружатся, —

Сочиняй, не похлопывай ушками,
Коль уж мысль биением взболтана.
Ведь у каждого третьего Пушкина
Быть должно своё истое Болдино.

* * *

Да, не Ассоль мы, к нам не плывут
Алые паруса,
Нашему прЫнцу вполне подойдут
Белые – за глаза.

Пусть даже серые – только б приплыл
В лунную-лунную ночь.
Бог не Асsoleями нас сотворил,
Пусть, но без прЫнцев невмочь.

* * *

Зайку бросила хозяйка...
Агния Барто.

Всех заек на свете бросают хозяйки,
Хозяйки ведь быстро растут.
И что остаётся разлюбленным зайкам?
Сидят и хозяйшек ждут.

А вдруг они вспомнят, а вдруг не забыли,
Не разлюбили – а вдруг!
Надеются, ждут, покрываются пылью...
Теперь только пыль зайкин друг.

Троллизм-торквемадизм

1. Сонет торквемадный

Мой товарищ Торквемада —
Предобрейшая душа.
Он из всех концепций ада
Принял ту, что хороша.

Там всё просто: эмпиреи
Рая – только для него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.